

Ф. Достоевский
об уничтожении Турками Славян при подстрекательстве и всемерной помощи со
стороны Англии, об антиславянских колоннах в России.
(Цитаты из «Дневников писателя 1876 г.». СПб.: Тип. В. В. Оболенского, 1877. 336 с.)

Предисловие.

Контингент читателей "Дневника писателя" составлялся, главным образом, из интеллигентной части общества, а затем из любителей серьезного чтения всех слоев русского общества. К концу первого года издания "Дневника", между Федором Михайловичем и его читателями возникло, а во втором году достигло больших размеров, общение, беспрецедентное у нас на Руси: его засыпали письмами и визитами с изъявлениями благодарности за доставление прекрасной моральной пищи в виде "Дневника писателя". Некоторые говорили Федору Михайловичу, что они читают его "Дневник" с благоговением, как священное писание; на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула, и просили его разрешать их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени.

Только упорные русские "западники" были недовольны "Дневником" Федора Михайловича и выражали свое недовольство, между прочим, цитированием едкого изречения одного из своих вожаков, гласившим, что "от Достоевского стало сильно деревянным маслом пахнуть", — это значило, что он сделался святошею» ([Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика // Русская старина. 1892. № 4. С. 205–207](#)).

Дневник писателя 1876, Июль – Август. Глава 4. V. Оригинальное для России лето. Сентябрь. Продолжение предыдущего.

Недавно я читалъ, что турки-башибузуки распяли на крестахъ двухъ священниковъ, — и тѣ померли черезъ сутки, въ мукахъ, превосходящихъ всякое воображеніе. Биконсфильдъ [Д'Израэли, премьер Англии] хоть и отрицалъ вначалѣ въ парламентѣ всякія муки, даже самыя маленькія, но ужь, конечно, про себя все это знаетъ, даже и объ этихъ двухъ крестахъ, „вѣдь, у него документы“.

А болгары и болгарки даже вѣдь совсѣмъ и не подымались за свободу, развѣ гдѣ-нибудь вначалѣ, по горамъ, ничтожными кучками. Они просто выли, когда ихъ маленькимъ ребятишкамъ мучители отрѣзывали въ каждыя пять минутъ по пальчику, чтобъ продлить ихъ мученія въ глазахъ отцовъ и матерей, а тѣ и не защищались, а лишь цѣловали, вопя и терзаясь, какъ бы въ безуміи, ноги мучителямъ, чтобъ они перестали мучить и отдали имъ назадъ бѣдныхъ дѣточекъ.

Прочелъ въ одной корреспонденціи объ одной матери, Болгаркѣ, тамъ у нихъ въ Болгаріи, гдѣ цѣлыми уѣздами истреблялись люди. Она старуха, уцѣлѣла въ одной деревнѣ и бродить, обезумѣвшая, по своему пепелищу. Когда же ее начинаютъ спрашивать какъ было дѣло, то она не говоритъ обыкновенными словами, а тотчасъ прикладываетъ правую руку къ щекѣ и начинаетъ пѣть, и напѣвомъ рассказываетъ, въ импровизированныхъ стихахъ, о томъ, какъ у ней были домъ и семья, былъ мужъ, были дѣти, шестеро дѣтей, а у дѣтокъ, у старшихъ, были тоже дѣточки, маленькіе внуки ея. И пришли мучители и сожгли у стѣны ея старика, перерѣзали соколовъ ея дѣтей, изнасиловали малую дѣвочку, увели съ собой другую, красавицу, а младенчикамъ вспороли всѣмъ ятаганами животики, а потомъ зажгли домъ и пошвыряли ихъ всѣхъ въ лютое пламя, и все это она видѣла и крики дѣточекъ слышала. ^[493]

Дневник писателя 1876, Октябрь. Глава 2. I. Новый фазис Восточного вопроса.

Восточный вопрос вступил во второй период свой по громовому слову царя, отозвавшемуся в сердцах всех русских людей — благословением, а в сердцах всех врагов России — страхом. Порта приникла и приняла ультиматум, но что теперь далее будет —

более чем когда-нибудь неизвестно. Говорят о конференции в Константинополе (или где бы там ни было, ведь не всё ли равно), о съезде дипломатов. Стало быть, опять дипломатия, к радости ее обожателей!

И вот после громового слова России опять начнет чваниться перед нами европейская пресса. Ведь даже Венгерцы писали и печатали про нас, почти еще за день до ультиматума, что мы их боимся, а потому и виляем перед ними и не смеем объявить нашу волю.[581] Опять будут интриговать и указывать нам Англичане, которые опять будут воображать, что их так боятся. Даже Франция какая-нибудь и та с гордым и напыщенным видом заявит на конференции свое слово и «чего она хочет или не хочет», тогда как — что нам Франция и на кой нам знать, чего она там у себя хочет или, не хочет? Теперь не пятьдесят третий год, и никогда, может быть, не было момента для России, в который враги ее были бы для нее безвреднее. Но пусть, пусть опять воцарится дипломатия, к утешению наших петербургских ее любителей. Но Болгария, славяне, что станется с ними в эти два месяца, вот вопрос? тут ведь дело насущное, которое не ждет ни минуты. Что станется с ними в эти два месяца? Опять, может быть, потечет болгарская кровь! Ведь надобно же будет Порте доказать своим софтам, что не из трусости приняла она ультиматум; вот и поплатится Болгария: «знать, не боимся, дескать, русских, коли режем болгар в самую конференцию». Ну, что сделаем мы в таком случае, который так возможен? Заявим тут же на конференции наше негодование? Но Порта тотчас же отопрется от избиения, свалит всё на самих болгар, пожалуй, еще примет благородно обиженный вид и поспешно назначит следственную комиссию: «Вот, дескать, господа представители Европы, сами видите, как меня обижает и как придирается ко мне Россия!» А болгар между тем будут всё резать да резать[584], а европейская пресса так, пожалуй, опять поддержит турков-башибузуков, скажет, что Россия придирается из честолюбия, нарочно интригует против конференции и хочет войны, и... И очень может быть, что Европа опять предложит мир еще хуже войны — мир усиленно вооруженный, мир с беспокойством и волнением народов, с мрачными ожиданиями, и это, пожалуй, на целый еще год! Целый год опять неизвестности!.. Ну, а через год-то, уж конечно, после такого мира, опять начнется война. Надо славянам мира, да только не этакого. Да и вовсе не мир теперь нужен, а просто конец.

Дневник писателя 1877, Март. Глава первая. III. Самые подходящие в настоящее время мысли

А тут вдруг кричат (и не только в Европе, но и у нас многие высшие политические наши умы), что случись умереть туркам как государству, то Константинополь должен возродиться не иначе, как городом «международным», то есть каким-то срединным, общим, вольным, чтобы не было из-за него споров. Ошибочнее мысли нельзя было и придумать... И, во-первых, уже по тому одному, что такой великолепной точке земного шара просто не дадут стать международной, то есть ничьей; непременно и сейчас же явятся хоть бы Англичане со своим флотом, в качестве друзей, и именно охранять и оберегать эту самую «международность», а в сущности чтобы овладеть Константинополем в свою пользу. А уж где они поселятся, оттуда их трудно выжить, народ цепкий.

И добро бы они не видели и не понимали, что такое для них Англичане, да и вообще вся Европа? О, они и теперь знают лучше всех, что англичанам (да и никому в Европе, кроме России) до их счастья, то есть до счастья всей христианской райи, нет ровно никакого дела. Вся эта райя знает отлично, что если б возможно было повторить болгарские летние ужасы [584] (а это, кажется, очень возможно) как-нибудь неслышно и втихомолку, то в Европе Англичане первые пожелали бы повторения этих убийств хоть раз десять — и не из кровожадности, вовсе нет: там народы гуманные и просвещенные, — а потому, что такие убийства, повторенные десять раз, истребили бы окончательно райю, истребили бы

до того, что уже некому было бы на Балканском полуострове делать против турок восстания, — а в этом-то и вся главная суть: остались бы одни милые турки.

Дневник писателя 1876, Глава 2. III. Восточный вопрос.

Князь Милан Сербский и князь Николай Черногорский, надеясь на Бога и на право свое, выступили против султана,^[385] и, когда будут читать эти строки, то уже, может быть, будет известно о какой-нибудь значительной встрече или даже о решительном сражении. Дело пойдет теперь быстро. Нерешительность и медленность великих держав, дипломатический выверт Англии, отказавшейся примкнуть к заключениям берлинских конференций, и вдруг затем последовавшая революция в Константинополе и вспышка мусульманского фанатизма, а наконец, **ужасное избиение турками- башибузуками** и черкесами **шестидесяти тысяч мирных болгар**, стариков, женщин и детей — всё это разом зажгло и двинуло войну

Слышно, однако же, что союз трех великих восточных держав продолжается, продолжают и личные свидания трех монархов.... Уединившаяся Англия ищет союзников: найдет ли их — это вопрос. Если и найдет, то, кажется, не во Франции. Одним словом, вся Европа будет глядеть на борьбу христиан и султана, не вмешиваясь в нее, но... пока только, до времени... до дележа наследства. Но возможно ли будет это наследство? Еще будет ли какое наследство? Если Бог пошлет славянам успех, то до какого предела в успехе допустит их Европа? Позволит ли стащить с постели больного человека [*Турицию* – прим. автора статьи] совсем долой?^[389] Последнее очень трудно предположить. Не решат ли, напротив, после нового и торжественного консилиума, опять лечить его?.. Так что усилия славян, даже и в случае очень большого успеха, могут быть вознаграждены лишь довольно слабыми пальятивами. Сербия вышла в поле, надеясь на свою силу, но, уж разумеется, она знает, что окончательная судьба ее зависит вполне от России; она знает, что только Россия сохранит ее от гибели в случае большого несчастья.

Пусть в Англии первый министр извращает правду пред парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками, не башибузуками, а славянскими выходцами, — и пусть весь парламент из политики верит ему и безмолвно одобряет его ложь:

Дневник писателя 1876, Июнь. Глава 1. V. Опять о женщинах.

если Европа смотрит на славян в настоящее время так бесчувственно, то уже, конечно, потому, что и русские — славяне.

А потому русскому обществу надо опять помочь славянам — разумеется, хотя лишь деньгами и кое-какими средствами. Генерал Черняев уже сообщал в Петербург, что санитарная часть всей сербской армии чрезвычайно слаба: нет докторов, лекарств, мало ухода за ранеными. В Москве славянский комитет объявил энергическое воззвание на всю Россию о помощи восставшим братьям нашим и присутствовал во всем составе своем, при многочисленном стечении народа, на торжественном молебствии в церкви сербского подворья — о даровании победы сербскому и черногорскому оружию. В Петербурге начинаются в газетах заявления публики с присылкою пожертвований. Движение это, очевидно, разрастается, несмотря даже на так называемый «мертвый летний сезон». Но ведь он только в Петербурге мертвый.

Я уже хотел было заключить мой «Дневник» и уже просматривал корректуру, как вдруг ко мне позвонила одна девушка.

В этот раз она вошла и прямо сказала:

— В Сербии нуждаются в уходе за больными. Я решила пока отложить мой экзамен и хочу ехать ходить за ранеными. Что бы вы мне сказали?

И она почти робко посмотрела на меня, а между тем я уже ясно прочел в ее взгляде, что она уже решила и что решение ее неизменно. Но ей надо было и мое напутствие.

Дневник писателя 1876, Июль – Август. Глава 2. I. Идеалисты – циники.

[Наши либералы внушают:] Со славянами только возня и хлопоты; особенно теперь, когда они еще не наши. Из-за них на нас уже сто лет косится Европа, а теперь и не косится только, а — при малейшем нашем шевелении — тотчас же выхватывает меч и наводит на нас пушку. Просто — бросить их, да и навсегда, чтоб успокоить раз навсегда Европу.

Дневник писателя 1876, Июль – Август. Глава 2. II. Постыдно ли быть идеалистом?

Конечно, и мы готовы согласиться, что русская политика в славянском вопросе, в это последнее столетие, может, и бывала порою небезупречна; моментами она могла быть слишком уж сдержанною и осторожною и потому, на иной нетерпеливый взгляд, казалась неискреннею. Может быть, и бывала излишняя боязнь за текущие интересы, двусмыслие, вследствие иных внешних дипломатических внушений, полумеры, приостановки, но в сущности, в целом, вряд ли политика России хлопотала только об одном лишь захвате славян под свою власть, об умножении тем своей силы и политического значения.

Грановский именно это-то и находит в нашей политике. Он именно уверяет, что наша политика только и делала, что весь последний век давила славян, «доносила на них и выдавала их туркам», что славянская политика наша и всегда была политикой захвата и насилия, да и не могло быть иначе.

Нет, конечно, это было не так, и в сущности своей политика наша, даже во весь петербургский период нашей истории, вряд ли рознилась в славянском, то есть Восточном вопросе, от древнейших исторических заветов и преданий наших и воззрения народного. И правительство наше всегда твердо знало, что чуть народ наш слышит призыв его в этом деле, то всегда отзовется на него всецело, а потому Восточный вопрос, в высшей сущности своей, всегда был у нас народным вопросом. Но Грановский не признает этого вовсе.

Эти добровольные жертвы и приношения народные для православных славян, эти жертвы старообрядцев, посылающих от обществ своих санитарные отряды,^[443] эти жертвы артельных рабочих из последних грошей или целыми деревнями, по мирским приговорам, жертвы, наконец, солдат и матросов из их жалованья, наконец — русские люди всех сословий, едущие сражаться за угнетенных православных братьев, проливать за них кровь, — нет, это нечто уже обозначившееся и нельзя сказать чтоб пассивное, нечто, с чем нельзя не считаться.

Дневник писателя 1876, Сентябрь. Глава 1. II. Слова, слова, слова.

Видите ли, если сделать так, чтобы дать Болгарии, Герцеговине, Боснии одинаковые права с населением мусульманским, и тут же найти способ, как бы эти права обеспечить, — «то мы решительно не видим, почему бы не кончиться Восточному вопросу» и т. д. и т. д. Мнение это, как известно, пользуется особым авторитетом в Европе. Одним словом, представляют такую комбинацию, осуществить которую труднее, чем вновь создать всю Европу, или отделить воду от земли, или всё что угодно, а между тем думают, что дело решили, и спокойны, и довольны. Нет-с, Россия согласилась на это лишь в принципе, а за исполнением хотела сама присмотреть, и по-своему, и, уж конечно, не дала бы вам погреть руки, г-да фразеры. «Дать автономию? Найти комбинацию?» — да ведь как же это сделать, кто может это дать и сделать? Кто станет слушаться и кто заставит слушаться? Наконец, кто управляет Турцией, какие партии и силы? Есть ли даже в Константинополе, который всё же образованнее, чем остальные турки, хоть единый турок, который в самом деле, по внутреннему убеждению своему, мог бы, наконец, признать христианскую райю^[521] до того себе равноправною, чтоб могло выйти из этой «автономии» хоть что-нибудь в самом деле? Я говорю: «хоть единый человек»... А если так, если нет даже

единого, то как вести с таким народом переговоры и договоры? «Устроить надзор, найти комбинацию», — возражают путеводители. А ну те-ка, найдите комбинацию! Есть вопросы, имеющие уже такое свойство в себе, что их никак нельзя разрешить именно так, как непременно тянет всех разрешить их в данный момент. Гордиев узел нельзя было распутать пальцами, а между тем все ломали голову, как бы его распутать именно пальцами; но пришел Александр — и рассек узел мечом, тем и разрешил загадку.

что Константинополь в конце концов будет никому не принадлежать, что это будет нечто вроде вольного города, международного, одним словом, вроде какого-то «общего места». Охранять же его будет европейское равновесие и т. д. Одним словом, вместо простого, прямого и ясного решения, единственно возможного, является какая-то сложная и неестественная ученная комбинация. Но спросить только: что такое европейское равновесие?

В самую последнюю и решительную минуту Константинополь вдруг захватят Англичане, как захватили они Гибралтар, Мальту и пр. И именно тогда, когда державы будут всё еще думать о равновесии. Именно эти самые Англичане, с таким материнским участием оберегающие теперь неприкосновенность Турции^[524], пророчествующие ей возможность великой будущности, цивилизации, верящие в ее живые начала, — именно они-то, когда увидят, что дело дошло до порога, именно они-то и скушают султана и Константинополь. Это так в их характере, в их направлении, так сходно с их всегдашней наглою дерзостью, с их насилием, с их ехидностью! Удержатся ли в Константинополе, как в Гибралтаре, это другой вопрос!

Дневник писателя 1876, Июль – Август. Глава 4. Post Scriptum.

Обозначилась и еще одна русская личность, обозначилась строго, спокойно и даже величаво, — это генерал Черняев. Военные действия его шли доселе с переменным счастьем, но в целом — до сих пор пока еще с очевидным перевесом в его сторону. Он создал в Сербии армию, он выказал строгий, твердый, неуклонный характер. Кроме того, отправляясь в Сербию, он рисковал всей своей военной славой, уже приобретенной в России, а стало быть, и своим будущим. В Сербии, как обозначилось лишь недавно, он согласился принять начальство лишь над отдельным отрядом и лишь недавно только был утвержден в звании главнокомандующего. Армия, с которою он выступил, состояла из милиции, из новобранцев, никогда не видавших ружья, из мирных граждан — прямо от сохи. Риск был чрезвычайный, успех сомнительный: это была воистину жертва для великой цели. Создав армию, обучив ее, устроив и направив по возможности, генерал Черняев стал оперировать тверже, смелее. Ему удалось одержать весьма значительную победу. В последнее время он должен был отступить перед напором втрое сильнейшего неприятеля. Но он отступил, сохранив армию, не разбитый, сильный, вовремя, и занял крепкую позицию, которую не осмелились атаковать «победители». Если судить по-настоящему, генерал Черняев едва только лишь начинает свои главные действия. Армия его, впрочем, не может уже более ждать ниоткуда поддержки, тогда как неприятельская может чрезвычайно еще возрасти в силах. К тому же политические соображения сербского правительства могут сильно помешать ему довести свое дело до конца. Тем не менее это лицо уже обозначилось твердо и ясно: военный талант его бесспорен, а характером своим и высоким порывом души он, без сомнения, стоит на высоте русских стремлений и целей. Но об генерале Черняеве еще вся речь впереди. Замечательно, что с отъезда своего в Сербию он в России приобрел чрезвычайную популярность, его имя стало народным. И немудрено: Россия понимает, что он начал и повел дело, совпадающее с самыми лучшими и сердечными ее желаниями, — и поступком своим заявил ее желания Европе. Что бы ни вышло потом, он может уже гордиться своим делом, а Россия не забудет его и будет любить его.

Дневник писателя 1876, Октябрь. Глава 2. II. Черняев.

Я уверен, что многие из его критиков не выдержали бы и половины того, что он вынес. Но Черняев служил огромному делу, а не одному своему честолюбию, и предпочел скорее пожертвовать всем — и судьбой, и славой своей, и карьерой, может быть даже жизнью, но не оставить дела. Ведь надо же говорить правду...

Но, во-первых и опять-таки, эти военные в черняевских тисках не были, а во-вторых, всё же то, что уже сделал Черняев «при невозможных обстоятельствах», — не смог бы, может быть, сделать никто из его критиков. Эти «невозможные обстоятельства», столь влиявшие на военные обстоятельства, тоже принадлежат истории; но главные черты их уже и теперь известны и до того характерны, что их нельзя пройти мимо даже и с стратегической точки зрения. Если только правда, что интрига против Черняева дошла до того, что высшие чиновники страны, в мнительной ненависти к подозрительному им русскому генералу, оставляли важнейшие просьбы и требования его для армии, в самые критические моменты, без ответа и даже накануне последних и решающих битв оставляли его без артиллерийских снарядов — то возможна ли будет правильная критика военных действий без разъяснения этого пункта?

Все эти интриги и всё это раздражение [593] даже беспримерны: этот подозрительный им генерал был всё же предводитель их войска и защищал вход в Сербию — и вот, из досады и ненависти, они жертвуют всем, — и войском, и даже отечеством, только чтоб уничтожить неприятного им человека. По крайней мере так по весьма точным сведениям. Про несомненно бывшую интригу свидетельствуют все корреспонденты и все газеты в Европе; началась она и шла в Белграде всё время, с самого прибытия Черняева в Сербию. Интриге этой помогали весьма Англичане^[593] из политики, помогали иные и русские^[594], — эти уж неизвестно из чего.

Дневник писателя 1876, Декабрь. Глава 2. IV. Словечко об «Ободнявшем Петре»

Кроме некоторых весьма серьезных нелюбителей славянского движения нашего, всех остальных, мне кажется, можно бы подвести под две общие рубрики. Первая рубрика — это, так сказать, жидовствующие. Тут стучат про вред войны в отношении экономическом, пугают крахами банков, падением курсов, застоём торговли, даже нашим военным бессилием не только перед Европой, но и перед турками, забывая, что турецкий башибузук, мучитель безоружных и беззащитных, отрезыватель мертвых голов. Вторая рубрика — это европействующие, застарелое наше европейничание. С этой стороны раздаются до сих пор вопросы самые «радикальные»: «К чему славяне и зачем нам любить славян? Зачем нам за них воевать? Не повредим ли, гоняясь за бесполезным, собственному развитию, школам, гоняясь за национальностью, не повредим ли общечеловечности.

Прежде когда-то всё это были либералы и прогрессисты и таковыми почитались; но историческое их время прошло, и теперь трудно представить себе что-нибудь их ретрограднее. Прежде они считались демократами, теперь же нельзя себе представить более брезгливых «аристократов» в отношении к народу.

И действительно, если разобрать все воззрения нашей европействующей интеллигенции, то ничего более враждебного здоровому, правильному и самостоятельному развитию русского народа нельзя и придумать.

Дневник писателя 1876, Сентябрь. Глава 1. I. Picola bestia.

И вот виконт Биконсфильд, урожденный Израиль (né d'Israëli), в речи своей на одном банкете вдруг открывает Европе одну чрезвычайную тайну: все эти русские, с Черняевым во главе, бросившиеся в Турцию спасать славян, — всё это лишь русские социалисты, коммунисты и коммунары, — одним словом, всё, что было разрушительных элементов в

России и которыми будто бы начинена Россия. «Мне-то вы можете поверить, ведь я Биконсфильд, премьер, как называют меня в русских газетах, для придания статьям их важности: я первый министр, у меня секретные документы, стало быть, знаю лучше, чем вы, я очень многое знаю» — вот что просвечивает в каждой фразе этого Биконсфильда. Провозгласив в своей речи, что Сербия, объявив войну Турции, сделала поступок бесчестный и что война, которую ведет теперь Сербия, есть война бесчестная, и плюнув, таким образом, почти прямо в лицо всему русскому движению, всему русскому одушевлению, жертвам, желаниям, мольбам, которые не могли же быть ему неизвестны, — этот израиль, этот новый в Англии судья чести, продолжает так (я передаю не буквально):

«Россия, конечно, рада была сбыть все эти разрушительные свои элементы в Сербию, хотя упустила из вида, что они там сплотятся, срастутся, сговорятся, получат организацию, дорастут до силы»... «Эту новую, грозящую силу надо заметить Европе» — напирает Биконсфильд, грозя английским фермерам будущим социализмом России и Востока. «Заметят и в России эту мою инсинуационную фразу о социализме, — тут же думает он, конечно, про себя, — надо и Россию пугнуть».

Паук, паук, *piccola bestia*; действительно, ужасно похож; действительно, маленькая мохнатая *bestia*! И ведь как шибко бегает! Ведь это избиение Болгар — ведь это он допустил.

— Кстати, ведь, уж конечно, виконт Биконсфильд [Д'Израэли], говоря про наши разрушительные элементы, сам знал, что лжет. Даже предчувствовал, может быть, что разрушительные элементы если и есть у нас, то теперь, с новым порывом России, должны будут принять направление иное, — и, уж конечно, такое соображение было очень досадно виконту тарантулу. Теперь же, то есть в случае неудачи «порыва», тарантул очень возрадуется, — он уж знает чему! Но... но разве это похоже на правду? Разве это сбудется? Какой дурной сон! Сон и не больше...

Дневник писателя 1876, Сентябрь. Глава 1. III. Комбинации и комбинации.

Есть именно в Европе одна комбинация, основанная на совершенно противоположном начале и до того вероятная, что, может быть, будет иметь даже будущность. Эта новая комбинация тоже английского изделия; это — так сказать, поправка всех ошибок и промахов торийской партии. Основана она на том, чтоб немедленно облагодетельствовать славян самой Англией, но с тем, однако, чтоб поделаться из них, на веки вечные, врагов и ненавистников России. Предполагается отказаться наконец от турок, уничтожить турок, как людей отпетых и ни на что не способных, и из всех христианских народов Балканского полуострова составить союз с центром в Константинополе. Освобожденные и благодарные славяне естественно потянутся к Англии, как к своей спасительнице и освободительнице, а она «откроет тогда им глаза на Россию»: «Вот, дескать, ваш злейший враг; она, под видом забот о вас, спит и видит, как бы вас проглотить и лишит вас неминуемой, славной политической будущности вашей»; Таким образом, когда славяне уверятся в коварстве России, то составят тотчас же новый и сильнейший оплот против нее и — «не видать тогда России Константинополя, не пустят они ее туда никогда!» Хитрее и, на первый взгляд, метче трудно что и придумать, Главное — так просто и основано на существующем факте. Между такими английская комбинация могла бы иметь успех, если б могла пойти в ход. И трудно представить, почему бы ей не пойти, если б, с победою в Англии вигов, дошла и до нее очередь. А между тем сколько в ней искусственности, неестественности, невозможности, лжи!

Ложь в том, что оклеветана Россия. Никакой туман не устоит против лучей правды. Поймут когда-нибудь даже и народы славянские всю правду русского бескорыстия, а к тому времени восполнится и духовное их единение с нами. Славяне уверятся наконец, если б состоялась даже всевозможная клевета, в русской родственной любви к ним. На

них подействует неотразимое обаяние великого и мощного русского духа, как начала им родственного.

Дневник писателя 1876, Сентябрь. Глава 2. I. Застарелые люди.

«Прежде всего надо устранить всякую мысль, что война эта священная, — восклицает Грановский в своей брошюре о Восточном вопросе, — ныне-де на крестовый поход никого не подынешь, не тот век нынче, никто не двинется на освобождение гроба Господня»

Дневник писателя 1876, Сентябрь. Глава 2. II. Кифомокиевщина.

Заметим еще, что вообще движению в пользу славян не следует придавать слишком вероисповедный характер, беспрестанно упоминая о „наших единоверцах“. Если мы будем объяснять себе наше сочувствие к славянам главным образом тем, что они наши единоверцы. то как же мы должны будем относиться к тем из наших мусульман, которые стали бы собирать пожертвования в пользу турок или заявили бы желание ехать в турецкую армию... Беспокойство, обнаружившееся в некоторых местностях Кавказа, должно напомнить нам, что православный великорус живет в семье, что он не единственный, хотя и старший сын России».

Дневник писателя 1876, Сентябрь. Глава 2. III. Продолжение предыдущего.

Вы тревожитесь, чтобы „старший братъ въ семьѣ" (великоруссь) не оскорбилъ какъ нибудь сердца младшаго брата (татарина или кавказца). Какая, въ самомъ дѣлѣ, гуманная и полная просвѣщеннаго взгляда тревога! Вы напираете на то, что православный великоруссь не „единственный, хотя и старшій— сынъ Россіи". Позвольте, что-жь это такое? **Русская земля принадлежит русскимъ, однимъ русскимъ, и есть земля русская и ни клочка въ ней нѣтъ татарской земли. Татары, бывшіе мучители земли русской, на этой землѣ пришлецы.** Но, усмиривъ ихъ, отвоевавъ у нихъ назадъ свою землю и завоевавъ ихъ самихъ, русскіе не отомстили татарину за двухвѣковое мучительство, не унизили его, подобно какъ мусульманинъ-турка измучилъ и унизилъ райю, ничѣмъ и прежде его не обидѣвшаго, — а, напротивъ, далъ ему съ собой такое полное гражданское равноправіе, котораго вы, можетъ быть, не встрѣтите въ самыхъ цивилизованныхъ - земляхъ столь просвѣп;еннаго, повашему, Запада. Даже, можетъ быть, русскій мусульманинъ пользовался иногда и высшими льготами противъ самого русскаго, противъ самого владѣтеля и хозяина русской земли...

Повѣрьте тоже, что скорѣй ужь татаринъ любить сторониться отъ русскаго (именно, вслѣдствіе своего мусульманства), а не русскій отъ татарина. Въ этомъ всякій васъ увѣритъ, кто жилъ подлѣ татаръ. Тѣмъ не менѣе, **хозяинъ земли русской — есть одинъ лишь Русскій (великоруссь, малоруссь, бѣлоруссь— это все одно)**— и такъ будетъ навсегда, и ужь если православному русскому придетъ нужда воевать съ мусульманами-турками, то вѣрьте, что никогда русскій не позволитъ кому бы то ни было сказать себѣ на своей землѣ Veto! Деликатничать же съ татарами до такой степени, что бояться смѣть обнаружить передъ ними самыя великодушныя и невольныя чувства, вовсе никому не обидныя — чувства состраданія къ измученному славянину, хотя бы какъ и къ единовѣрцу, — кромѣ того, **всячески прятать отъ татарина все то, что составляетъ назначеніе, будущность и, главное, задачу русскаго, — вѣдь, это есть требованіе смѣшное и унижительное для русскаго...**

И чѣмъ я виноватъ, что, въ его понятіяхъ, всякая наша война съ турками принимаетъ непремѣнно характеръ вѣроисповѣдный? Вы говорите: „ну, такъ деликатничай, секретничай, старайся не оскорбить"... **Вѣдь не бѣжать же русскому изъ своей земли? Не**

залѣзть же куда-нибудь подѣ столѣ, чтобѣ было не слышно и не видно, изѣ за того, что въ русской землѣ младшій братѣ— татаринѣ живеть!...

Сообразите: турокѣ рѣжетѣ славянина за то, что тотѣ, будучи христіаниномѣ, райемѣ, осмѣливается домогаться съ нимѣ равноправія.

Не знаю, про какія статьи вы говорите и на что намекаете. Помню, читаль я кое-что про волненія начинавшася фанатизма на Кавказѣ ; такѣ вѣдь вы и сами сейчасѣ-же написали объ этихъ волненіяхъ въ смыслѣ дѣйствительно совергшвшася факта. Заѣзжали тоже, говорятѣ, изѣ Турціи, проповѣдники фанатизма и въ Крымѣ; но были-ли эти волненія въ самомѣ дѣлѣ, или вовсе не были, я, въ настоящемѣ случаѣ, разбирать не буду, да, по правдѣ, и самѣ не знаю навѣрно.

Дневник писателя 1876, Сентябрь. Глава 2. IV. Страхи и опасения.

Склонность любоваться собою в зеркало по поводу международных вопросов и заявлений сочувствия национальностям, а затем засыпать сном труженика, исполнившего свой долг, в нас так велика, что все подобные рассуждения, хотя верные до известной степени, положительно опасны.

Во-первых, тут всё, с первого до последнего слова, не верно действительности. «Склонность-де засыпать сном труженика, исполнившего свой долг, в нас так велика» и т. д. Эта «склонность к засыпанию» есть одно из самых предрассудочных и неверных обвинений устарелого теоретизма, очень любившего много болтать и ничего не делать, именно всегда лежавшего на печке и читавшего нравоучения с печки и именно, в самоупоении своей красотой, непрерывно заглядывавшего на себя в зеркало. Это предрассудочное, а теперь до невероятности оказавшееся обвинение зародилось именно тогда, когда русский человек, если и лежал на печи или только и делал, что играл в карты, то единственно потому, что ему и не давали ничего делать, не пускали его делать, запрещали ему делать. Но чуть лишь у нас раздвинулись заборы, то русский человек тотчас же обнаружил скорее лихорадочное беспокойство и нетерпение в стремлении к делу и даже неустанность в деле, чем желание лезть на печку. Если же и до сих пор не совсем ладится дело, так ведь это вовсе не потому, что оно не делается, а потому, что при двухсотлетней отвычке от всякого дела нельзя так сразу приобрести способность понимать дело, верно подходить к нему и суметь за него взяться. Вам бы только наставления читать и бранить русского человека, по старой памяти. Я говорю это старым теоретикам, никогда не удостоивавшим, с высоты своего величия, вникнуть в русскую жизнь и хоть что-нибудь изучить в ней, ну, хоть чтобы проверить и поправить свои предрассудочные взгляды старинных давнишних годов.

Но опасение вполне достойное Кифы Мокиевича — это об «аттестате зрелости».

Дескать, выдадим себе аттестат зрелости, да и успокоимся, и заснем.

О, вы, конечно, ссылаетесь сейчас на Европу: «Франция-де и не то сделала для Италии, что мы, пока, делаем для славян, но разве французское общество, по освобождении Италии, стало считать себя более зрелым, чем прежде?» Вот что вы пишете. Но это уж из рук вон!

А, впрочем, что ж, вы даже и венгерцев ставите русскому народу в пример великодушия. Особенно теперь красивы и великодушны венгерцы, не правда ли? Какая узкая в них ненависть ко всякой мысли об облегчении участи славян! Какая ненависть к России! Как это вам пришел на ум такой пример и такой народ?

ПРИМЕЧАНИЯ.

[389] — «Больным человеком» назвал Турцию Николай I в беседе с английским послом Дж. Г. Сеймуром (Seymour, 1797–1880) в 1853 г. Тогда же опубликованное и ставшее крылатым это выражение широко употреблялось в русской публицистике второй половины XIX в., отражая составившееся о Турецкой империи представление как о разваливавшемся государстве, которое было не в состоянии решить ни одного стоявшего вопроса.

[493] прочел в одной корреспонденции об одной матери — крики деточек слышала. — Корреспонденция похожего содержания из «Кельнской газеты» была напечатана в «Новом времени» (1876. 9 авг.),

[521] Райя (тур. Raya — буквально: стадо) — сельское население Турции.

[524] заявлении министра иностранных дел Англии лорда Дерби и лидера оппозиционной либеральной партии Гладстона относительно необходимости охранять «неприкосновенность территории Турецкой империи» (Голос. 1876. 21 сент.).

[555] эти жертвы старообрядцев, посылающих от обществ своих санитарные отряды... — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876. 15 июля) сообщалось, что «общество московских старообрядцев пожертвовало значительную сумму денег на устройство походного лазарета во 100 коек для отправки в Сербию». 26 июля лазарет выехал из Москвы; 29 июля в Троицком соборе в Петербурге происходило напутственное молебствие. Отправка этого госпиталя рассматривалась как событие большой общественной значимости, и о нем сообщили многие газеты.

И, уж конечно, слышал, да и в церкви молился за упокой души Николая Алексеевича Киреева... — Николай Алексеевич Киреев (род. 1841) — отставной штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, один из самых деятельных членов Славянского комитета в Петербурге. По поручению Комитета он в середине апреля 1876 г. выехал за границу для оценки перспектив и возможностей подготовлявшегося в Болгарии восстания. Прибыв в начале июня в Сербию, он занялся вербовкой и формированием болгарских добровольческих отрядов и принял над ними командование. С началом военных действий его отряд, в который влились и сербские подразделения, принял участие в боях с турками. 6 июля Н. А. Киреев героически погиб в сражении, о чем 7 июля М. Г. Черняев известил телеграммой Славянский комитет в Москве. Сообщение о гибели Киреева было напечатано во многих газетах; панихиды по нему служили по всей России.

[556] Русские газеты неоднократно писали о враждебном отношении Венгрии к борьбе балканских славян против турецкого ига. Позиция Венгрии, настаивавшей на сохранении территориальной целостности Турецкой империи.

[581] статью из венгерской газеты «Пештский Ллойд» от 15 октября 1876 г.,

[584] Болгария — А болгар между тем будут все резать да резать... — В октябре в прессе неоднократно появлялись сообщения о возобновлении массовых убийств мирного населения в Болгарии. Корреспондент «Московских ведомостей» писал, например, из Бухареста: «Ужасная драма готовится разыгаться в той стране, где еще не засохла невинно пролитая кровь» (Московские ведомости. 1876. 7 окт.).

[593] сообщения корреспондентов английской газеты «Daily news» и агентства Рейтер: «В Белграде большое раздражение против русских <...> Сербское правительство сильно раздражено против генерала Черняева и имеет большие сомнения в его военных способностях».

[594] В телеграмме корреспондента «Нового времени» от 2 (14) октября 1876 г. говорилось: «...сами русские здешние (из них есть промотавшиеся господа), с презрением относящиеся к Сербии и ровно ничего не понимающие в славянском движении, громко противодействуют Черняеву и называют его и его штаб „шайкой“. Английский и греческий консулы поддерживают это и помогают из всех сил. чтоб погубить здесь русское дело» (Новое время. 1876. 3 окт). Ранее в корреспонденциях других газет рассказывалось о бывшем помощнике М. Г. Черняева полковнике А. П. Измайлове, занимавшемся в Белграде «распространением рассказов, явно направленных против действий и распоряжений генерала Черняева» (Биржевые ведомости. 1876. 18 сент.); о недружелюбном по отношению к русским добровольцам поступке Уполномоченного Славянского комитета (Гражданин. 1876. 25 окт. № 34–35. С. 878); о враждебном отношении к М. Г. Черняеву русского консула в Белграде А. Н. Карпова (Новое время. 1876. 1 окт.; и др.).

[397] В славянофильской пропаганде сложилось представление о греках как о врагах славян и как о народе, который являет собою «пример гордости духовной». Оно было

сформулировано, например, в памфлете «К сербам: Послание из Москвы» (Лейпциг, 1860), написанном славянофилами А. С. Хомяковым, М. П. Погодиным, Ю. Ф. Самариным, П. И. Бартеневым, И. С. Аксаковым и другими, а также нашло отражение в книге Н. Я. Данилевского.

[] Т. Н. Грановскому (1813–1855), профессору Московского университета, историку, либералу-западнику, приписывалась статья «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года», которая во время Крымской войны распространялась в рукописном виде, а позднее трижды (в 1861 и 1874 гг.) была напечатана за границей. Автором был Б. Н. Чичерин (1828–1904), ставший позднее видным юристом. Достоевский опирался на эту статью при разработке в «Бесах» образа Степана Трофимовича Верховенского, основным прототипом которого взял Т. Н. Грановского.

----- *** -----

Ф. М. Достоевский и Ч. Ч. Валиханов. 1858 или 1859. Фотография Соломона (Шлеймы) Лейбина (У Валиханова (слева) в руке предмет похожий на ятаган. Иллюстрация к статье «Дневник писателя 1876, Сентябрь. Глава 2. III. Продолжение предыдущего»).

Картина «*Болгарские мученицы*» была написана знаменитым русским художником Константином Маковским по возвращении его из поездки на Балканы. Летом 1877 года Маковский уехал на Балканы, где делал зарисовки, двигаясь вслед за наступающей русской армией по Сербии и Болгарии. Рассказы очевидцев о жестоком подавлении турецкими властями народного восстания, вспыхнувшего в Болгарии в 1876 году, и о зверствах турков-башибузуков против мирного населения произвели сильное впечатление на художника. Национальный художественный музей Республики Беларусь.